

Г. В. Федюнева

**К ВОПРОСУ О НАДЕЖНОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ
ДАНЫХ В ИЗУЧЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ ПЕРМСКИХ НАРОДОВ**

Необходимость и важность использования данных лингвистики для изучения этногенеза и этнической истории не требует особых доказательств; факты языка могут содержать важную информацию о локализации данного этноса в прошлом, его связях с соседними народами, исторических миграциях и др. Однако для этого у них должна быть достаточная степень надежности, что особенно касается лексики, объективно имеющей низкую степень валидности для такого рода исследований.

В статье рассматриваются лексические соответствия коми и удмуртского языков, традиционно используемые для освещения таких проблемных вопросов истории пермских народов, как (1) локализация прародины пермян, (2) выявление внешних связей пермских народов с соседями и (3) внутренние миграции населения в пределах континуума родственных языков и диалектов. Делается вывод о необходимости более детальной этимологизации привлекаемой лексики, степень надежности которой в современных исследованиях остается недостаточно высокой.

Ключевые слова: этническая история, пермские языки, лексика, этимология.

При изучении процессов расселения и миграционной подвижности населения, особенно в дописьменный период, наряду с данным археологии и этнографии используются данные языка. Однако привлечение их не всегда плодотворно. Лингвистический материал может иметь достаточную степень надежности при реконструкции этнических процессов на поздних стадиях формирования этноса, поскольку изменения в языке происходят в длительной исторической ретроспективе, а в более близкий период они, как правило, незначительны и легко объясняются через современные языки.

Гораздо сложнее использовать лингвистический материал для освещения древней истории, исторических связей, контактов и передвижений этнических групп населения в далеком прошлом. Данные более ранних периодов языковой истории (особенно при отсутствии письменных памятников) во многом гипотетичны, их верификация требует привлечения обширной информации

и специальных методик обработки. Соответственно, степень надежности этих данных объективно не может быть высокой, тем более абсолютной. Между тем в этногенетических работах этому материалу часто придается неоправданно большое значение.

Любопытно в свете сказанного рассмотреть материал коми языка, привлекаемый в построение теорий пермского этногенеза и этнической истории коми и удмуртов.

1. Одна из констант любого этногенетического исследования – это проблема локализации прародины как территории проживания этноса в начальный период его формирования. Решение этой проблемы невозможно без языкового материала. «Инструментарий языкознания позволяет довольно надежно локализовать район обитания носителей праязыка, – пишет В. В. Напольских. – Для этого используются три взаимонезависимых метода: лингвистическая палеонтология (определение места обитания носителей праязыка по набору названий растений, животных, климатических и ландшафтных особенностей, отраженных в праязыковой лексике и позволяющих при наложении на палеогеографическую карту соответствующего времени очертить праязыковой экологический ареал – район совместного распространения всех данных природных явлений, который так или иначе должен соотноситься с реальным районом обитания носителей праязыка); данные о внешних (контактных) связях интересующего нас праязыка с языками, относительно локализации которых имеются более или менее надежные соображения и, наконец, данные субстратной топонимики, указывающие на древние ареалы обитания носителей тех или иных языков, оставивших определенные пласты географических названий» [2010, 12].

1.1. Среди лексических разрядов, привлекаемых в эти исследования, высокая степень валидности у топонимии. Однако этимологизация и этническая идентификация этой лексики – весьма трудная задача. Как правило, более или менее последовательной стратификации поддаются поздние слои топонимии, тогда как выявление глубинных стратов требует больших усилий и, как показывает практика, не одного поколения исследователей. К сожалению, пермская топонимия, особенно ранняя, остается почти не изученной. Однако методика системного анализа субстратной топонимии, разработанная и успешно примененная А. К. Матвеевым к территории Русского Севера [2001; 2004; 2007], дает надежду на создание подобных работ и в пермистике [см., напр., Смирнов, 2013; 2014 и др.].

1.2. Использование метода лингвистической палеонтологии, если можно так сказать, менее затратно. Однако и результаты его применения менее надежны, поскольку напрямую связаны с трудностями выявления исторически значимой лексики и ее этимологизации. Если реконструкция морфологических (и отчасти фонетических) процессов и явлений имеет *более или менее* твердую почву благодаря относительной устойчивости внутренней структуры языка, то лексический уровень подвержен трудно отслеживаемым, а подчас и вовсе непредсказуемым изменениям. Сама процедура этимологизации (т.е. выявление в современных языках *отдельных* схождений, достоверность которых доказывается наличием *более или менее* регулярных фонетических и семантических соответствий с учетом *возможных* исторических изменений) предполагает

наличие погрешностей, с углублением хронологии исследования умножающихся в геометрической прогрессии.

Понятно, что в зависимости от изученности языков и совершенствования приемов анализа этимологии должны уточняться, дополняться и (с большой долей вероятности) опровергаться.

На деле же большая часть ранее этимологизированной лексики без дополнительной верификации кочует из работы в работу на протяжении многих лет и даже столетий, привлекаемая в таком виде в этногенетические построения. В частности, лексика природного ландшафта, используемая для характеристики экологического ареала возможного проживания прапермского этноса, остается на стадии первичной этимологизации.

Например, историк С. К. Белых, впервые применивший метод лингвистической палеонтологии в пермистике, использовал для этого названия кедр а, орешника и дуба. География их распространения позволила ему «локализовать территорию прапермского экологического ареала в Среднем Прикамье на территории Пермской обл., приблизительно между 57-й и 58-й параллелями северной широты» [1999, 256–257; 2009, 60–62]. Учитывая ареал распространения кедр а и дуба в кон. I тыс. н. э., В. В. Напольских место обитания носителей пермского праязыка определил еще более конкретно: Среднее (Пермско-Сарапульское) Прикамье [2010, 12].

Ни в коей мере не отрицая возможности проживания прапермлян в указанном ареале, позволим себе высказать сомнение в безупречности этимологии привлекаемых слов, прежде всего в части соответствия коми материала удмуртскому.

1.2.1. ‘Кедр ~ можжевельник’. Название кедр а считается наследием уральского праязыка. Реконструкция праформы **soksz (saksz seksz)* У ‘кедровая сосна; *Pinus sembra*’ делается на основе обско-угорских (манс. *tēt, týt*, хант. *tēχət* ‘кедр’), самодийских (нен. *tydō*, селк. *tyty, teeden* ‘кедр’) и пермских (коми *sus-pu* ‘кедр’, удм. *susi-pu* ‘можжевельник’) соответствий. Отмечается возможность прап. > мар., ср. диал. *sas, šaršā, šoršo* ‘калина’ [UEW, 445]. Отсутствие прибалтийско-финских и волжских соответствий, а также не совсем ясный семантический сдвиг ‘сосна кедровая’ > ‘можжевельник’ в удмуртском языке* обычно объясняются тем, что кедр не произрастает на территориях современного проживания этих народов [КЭСК, 267].

Последнее утверждение ничего не объясняет. Понятно, что наличие или отсутствие слова в языке облигаторно не связано с наличием или отсутствием в окружающей действительности самой реалии. Важно установить связь данного слова с другими элементами языка и попытаться устранить имеющиеся противоречия.

В данном случае семантика и фонетический облик удмуртского слова позволяют рассмотреть его в другой этимологической статье, а именно: общеп. **sqs-* < доперм. **s8ksz* ‘вид кустарникового дерева’. К данному этимону восходит коми слово *сōс-пу* вв.печ.уд. ‘кустарниковая ольха’**, вв.иж.л. ‘рябина’, которое сравнивается с манс. *сосыг, сосэй*, хант. *сowсәк* ‘смородина’ [КЭСК, 264].

* «Не вполне понятны причины семантического перехода, потому что согласно материалам [Деревья и кустарники СССР, 1966] на территории Удмуртии кедр растет» [Норманская, Дыбо 2010, 89].

** Также лет. *сос-пу* [Лыткин 1955, 118].

Распространение слова *сӧс-ну* в большинстве коми-зырянских диалектов, а также коми-пермяцкое слово *суса-ну* ‘бузина’ [КПРС, 458] свидетельствуют об их общекоми происхождении. В семантическое гнездо ‘вид кустарникового дерева’ хорошо вписывается и удмуртское *сусы-ну* ‘можжевельник’. Фонетических препятствий для этого нет. Ср. также мар. *сӧсӧ* ‘калина’ [СМЯ, 277].

1.2.2. ‘Орешник ~ шиповник’. Начиная с ранней статьи Е.С. Гуляева [1961; см. тж. Лыткин, 1964, 166], установилась этимология, согласно которой удм. *пашпу* ‘орешник’ и кз.вв. *пашкан* ‘ягоды шиповника’ восходят к общеперм. **ра̋к-* ‘орех, ягода’, и далее, с учетом волжских и прибалтийско-финских параллелей, к финно-пермскому источнику [КЭСК, 217].

Не вдаваясь в более глубокую этимологию, отметим, что сопоставление коми и удмуртского слов вызывает сомнение. К. Редеев в статье *päškz* FP ‘орех, орешник’ приводит удм. *пашпу* ‘орешник’, отмечая при этом, что «Die Zugehörigkeit des syrj. Wortes ist aus semantischen Gründen unsicher» [UEW, 727]. Соответствующая статья в SKES содержит только удм. *пашпу*, *пушмульпы* ‘орешник’ [679].

Коми слово *пашкан* относится к разряду узкодиалектных, оно зарегистрировано в верхневычегодских дд. Аныб, Деревянск, Руч и Носим [СДКЯ, 2014, 83]. Можно предположить, что образовано оно было в местных говорах от архаичной основы *пашк-* (*-ан* – словообразовательный суффикс существительных), сопоставимой с фин. *pahka, pahku* ‘нарост, шишка, комок, кап (на дереве)’ [SVS, 432]. Финские лексемы с учетом метатезы **kš > *šk > hk* сравниваются с мордовскими словами *пакш*, *пакшке* ‘пучок, клочок, охапка (волос, сена)’ и возводятся к У. **pakša* ‘узел, шишка, нарост, бугор и т.д.’ [UEW, 350; SKES, 679]. При метатезе **ки > *ик*, абсолютно закономерной для пермских языков, фонетических препятствий для включения коми слова в эту группу нет. Более того, слово *пашкан* лучше вписывается в ряд слов с велярной гласной в основе (**pakša* ‘нарост, шишка’ > фин. *pahka*, морд. *пакшке*), нежели с палатальной (**päškz* ‘орех’ > морд. *пяште*, мар. *пӱки*, фин. *pähkinä*). Косвенное доказательство принадлежности коми слова к этой группе – его первоначальное значение: ‘ягода, ягоды шиповника’ [ССКЗД, 195, см. статью *лежнӧгйыв* «ягода шиповника»; 278; КЭСК, 217], – перенесенное впоследствии и на само растение.

1.2.3. ‘Дуб’. Название дуба рассматривается в финно-пермском или (под вопросом) финно-волжском контексте. Вопросы вызывает пермский материал (коми *тупу*, удм. *тыпы* ‘дуб’ < общеп. **tum-ри*, где *ри* ‘дерево’), который сопоставляется с прибалтийско-финскими (фин. *tammi*, эст. *tamm*, лив. *tāmt* ‘дуб’) и волжскими (морд. *тумо*, *тума*; мар. *тум*, *тумо* ‘дуб’) словами. Пермские формы без *-м-*, по мнению К. Редеева, могли появиться в результате контаминации исконной основы с русским словом *дуб* под влиянием народной этимологии (> коми *дуб*, *дубпу*) [UEW, 798]. В SKES пермский материал не приводится вовсе [1218].

Сам факт того, что коми слово – это наследие общепермского периода, остается недоказанным, во всяком случае, не исключены следующие контраргументы.

В самостоятельном употреблении слово не встречается, хотя зарегистрировано во многих словарях коми языка без каких-либо примеров и с пометой *диал. нв.* Думается, это результат целенаправленной активизации архаичной

лексики в процессе обогащения литературного языка, а также практики составления словарей на базе уже существующих.

Первоначально слово выявил В. И. Лыткин при расшифровке древнепермской надписи на иконе «Зырянской троицы». Оно встречается трижды и всякий раз как перевод русского слова *дуб*: 1) Яви же ся Аврааму бог у дуба *Мамрия* (= *мамбри тупу дорын*); 2) и прохладитесь под дубом (= *тупу дынын*); 3) сам же стояше перед ним под дубом (= *тупу дынын*) [Лыткин 1952, 39–40]. При этом вопросы: Кто сделал надпись на иконе? Коми, усвоивший в какой-то степени русский язык? Русский со знанием коми языка? Знал ли он коми (< общеп.) слово или, при отсутствии такового, использовал (адаптировал) слово из русского текста? – до сего дня остаются без ответа.

Некоторые исследователи слово *тупу* ‘дуб’ находят в составе микротопонимов, в названиях полей *Тупи-йӧр* (*йӧр* ‘загон, огороженный участок’) и *Тупи-кыр-йыв* (*кырйыв* ‘вершина возвышенности’), луга *Тупу*, озера *Тупи-ты* (*ты* ‘озеро’), ручья и луга *Тупи-шор* (*шор* ‘ручей’), бора *Тупи-яг* (*яг* ‘бор’) [Туркин 1971, 282]; *Тупи-орд* (*орд* ‘место у чего-то, кого-то’), *Тупи-туй* (*туй* ‘дорога’) [КЭСК, 286]. Все эти названия сосредоточены в одном месте: на нижней Вычегде, в окрестностях д. Туискерос. Они относятся к микротопонимии, т.е. (по определению) неустойчивому разряду лексики, известной узкому кругу местных жителей [Суперанская 1967, 38]. Даже если предположить, что «в конце XIV века это слово для местного населения было еще хорошо известно» [Насибуллин 1992, 83 и др.], вряд ли названия мелких объектов возле небольших населенных пунктов можно отнести к столь далеким временам.

Характерная особенность микротопонимов также в том, что значительная часть их отантропонимического происхождения. Поэтому логичнее предположить, что в основе номинации таких объектов, как *поле, дорога, загон, луг* и др., лежит скорее принадлежность их кому-то или чему-то, нежели характеристика местности с точки зрения произрастания дуба в далеком прошлом или сохранившееся в памяти жителей д. Туискерос «воспоминание» о дубе, произраставшем на их прежней родине.

Сомнения вызывает и форма топонимов. При наличии живого слова *пу* ‘дерево’ общелингвистический закон «давления системы» должен был бы поставить элемент *тупи* ‘дуб’ в один ряд с такими словами, как *суспу* ‘кедр’, *жовпу* ‘калина’, *льӧмпу* ‘черемуха’ и др., хотя бы под влиянием народной этимологии. Тот же вопрос возникает к удм. форме *тыты*, ср. удм. *кызьпу* ‘ель’, *пужьмпу* ‘сосна’ и т.д. Неудивительно, что в КЭСК [286] коми топонимы приводятся под вопросом, а в UEW [798] не приводятся вовсе.

«Так был ли мальчик?» Наличие слова *тупу* в памятнике древнезырянской письменности, по мнению С. К. Белых, можно объяснить тем, что «средневековым вычегодским зырянам вполне могли быть известны какие-либо изделия из дуба, а само название этого дерева их предки могли сохранить со времени своего переселения из более южных широт, либо позаимствовать у своих более южных соплеменников» [Белых 2009, 265]. Но почему не у русских? Не случайно же оно «сохранилось» в говорах нижней Вычегды, региона наиболее ранних и интенсивных контактов коми с русскими в процессе колонизации последними северо-восточных территорий.

Несмотря на изложенные сомнения, приведенные этимологии считаются доказанными, и на их основе делаются далеко идущие выводы. Например, Ю. Норманская и А. Дыбо считают, что «по сравнению с финно-пермским ландшафтом в пермском опять появляется большое количество хвойных деревьев. В целом он больше похож на финно-угорский, за исключением того, что для пермского языка реконструируются названия лиственных деревьев – *дуба* и *тополя*» [Норманская, Дыбо 2010, 262], т.е. как раз наиболее спорные с точки зрения этимологии названия*.

2. Большое значение для реконструкции этнических процессов имеет так называемая контактная лексика, свидетельствующая о внешних связях изучаемого этноса с соседями в разные исторические периоды.

Так, известно, что на протяжении своей истории (в том числе в составе более крупных этнических образований) коми имели контакты с разными родственными и неродственными народами, о чем свидетельствуют слова неисконного происхождения, т.е. не финно-угорские и не пермские, обнаруженные в коми языке. Заимствования из разных (иранского, тюркских, обско-угорских, ненецкого, прибалтийско-финских, древнерусского и русского) языков, выявленные в основной своей массе В. И. Лыткиным [1953 и др.], в дальнейшем были использованы для прямых выводов о местах проживания предков коми, их передвижениях и исторических контактах с другими народами.

Однако с появлением новых исследований в этой области стало ясно, что многие этимологии, до сих пор считавшиеся бесспорными, могут быть пересмотрены и уточнены. Основанием для этого становится учет двух важнейших аспектов этимологизации, ранее не принимавшийся в расчет из-за недостатка лингвистического материала. Это, во-первых, учет фактора полихронотопности, т.е. одновременности и мультилокальности исторических контактов и, во-вторых, учет особой роли русского языка в мультиэтничном пространстве России.

2.1. Показательна в этом отношении этимология коми слова *пурт* 'нож', считающегося заимствованием из праиранского языка [КЭСК, 233 и др.], контакты с которым датируются общепермским периодом. Близкие слова есть в чувашском и эвенкийском языках, куда «этот арийский культурный термин», по мнению В. И. Лыткина, распространился через скифов [1975, 90].

Исследования последних десятилетий позволяют внести коррективы в эту этимологию. Так, А. Е. Аникин справедливо считает, что в эвенкийский язык слово попало из коми языка через русский [Аникин 2000, 459]. Об этом свидетельствуют русские письменные источники, в которых слово *пурт* фигурирует как название предмета меновой торговли с инородцами, напр., в таком контексте: «...русского товару... пол пуда одекуев синих, сто пуртов...».

Е. А. Хелимский, в свою очередь, не без основания ставит под сомнение иранскую этимологию коми слова *пурт*. Он считает, что слово могло проникнуть в коми язык через болгарское посредство (ср. чуваш. *пуртă* / *порт* 'топор'), учитывая важную роль Волжской Булгарии как транзитного торгового центра.

---

* Этимологию названия тополя также нельзя считать удовлетворительной: коми диал. *оржыпу*, удм. *урыжпу* < общеп. *gržz- «осокорь, черный тополь» // ? эрз. *иржяня* «жесткий, грубый» [КЭСК, 207].

Было ли болгарское слово заимствовано русским и пермскими языками параллельно или проникло в один из языков через посредство другого, сказать трудно, поскольку исторически и фонетически обе возможности обоснованы [2002, 85].

Позволим себе добавить, что это слово могло быть заимствовано неоднократно в разные русские говоры ввиду контактов с разными языками. Например, занесенное ранними миграционными потоками русских (и коми-зырян), слово *пурт* сначала проникло в эвенкийский язык, затем, в более позднее время, снова было заимствовано в местные русские говоры, но уже в эвенкийской форме *пурта* ‘охотничий нож’: иркут. бурят. *наточить пурт* ‘у как-то надо, скоро в лес идти; [У эвенков] покупали или изготавливали по тунгусскому образцу охотничьи ножи – пурты. Аналогичным образом в некоторые современные севернорусские говоры слово проникло из языка коми охотников, но в более позднее время и в более узком значении – ‘охотничий нож’ [СРНГ 1999, 137].

2.2. Опосредованное влияние языков друг на друга можно наблюдать и на Европейском Севере России, в контактной зоне коми языка с некоторыми прибалтийско-финскими и (древне)русским языками.

Вопрос карело-вепских заимствований в коми языке слабо изучен. Однако на основе работ В. И. Лыткина, выявившего несколько десятков коми-прибалтийско-финских соответствий [1953, 65; 1956; 1963 и др.], сложилось мнение, что западные соседи оказали значительное влияние на коми, поскольку в их языке обнаружены многие «вепские» слова, касающиеся «различных сторон хозяйственной деятельности» [Жеребцов 1982, 36]. Особенно это касается удорских коми, в языке которых выявлено больше всего соответствий. Но все ли выявленные слова свидетельствуют о прямых контактах коми и вепсов?

С. А. Мызников, проанализировав корпус прибалтийско-финско-коми соответствий в КЭСК, пришел к выводу, что большая их часть в прибалтийско-финских языках не исконная, причем сходная лексика обнаруживается в смежных русских говорах. Например, коми уд. слово *люська* ‘ложка’ считается прямым прибалтийско-финским заимствованием. В прибалтийско-финские языки оно проникло из русского (др.-рус. *лъжьска*, совр. *ложка*), а затем обратно было заимствовано во многие русские говоры: *лузка*, *лузица*, *лузик* и т.д. [СРНГ 1981, 185]. Это не исключает возможности появления слова *люська* в удорском диалекте через русское посредство [Мызников 2014, 91–92]. Аналогично удорское слово *бель* ‘дверной или оконный косяк’, считающееся древним вепским заимствованием [КЭСК, 38], представлено в контактных северо-восточных русских говорах [СРНГ 1966, 236], а потому трудно сказать, проникло ли оно в коми говоры в «древние» времена в результате непосредственных контактов с вепсами, или позже, через посредство русских говоров.

Не в этом ли разгадка того факта, что на территории Удоры, в говорах которой выявлено больше всего лексических заимствований из прибалтийско-финских языков, обнаружен только *один* топоним этого происхождения? Больше всего прибалтийско-финских топонимов обнаружено в низовьях Вычегды и в бассейне Лузы [Туркин 1985, 17], в говорах которых карело-вепских заимствований в разы меньше.

2.3. Учет особой роли русского языка позволяет внести коррективы в этимологии, надежность которых вызывает сомнения у самих авторов. Например,

в КЭСК коми слово *тус* [*туск-*] ‘бельмо, катаракта’, диал. ‘серый, тусклый, невзрачный’, *тускавны* ‘покрыться бельмом’ под вопросом сравнивается с удм. *тус* ‘вид, облик, тип, цвет’ (< общеп. * *tus*), мар. *тус* ‘цвет, масть, вид, облик’, эрз. *тус* ‘образ, выражение лица’ и считается древнебулгарским заимствованием, ср. чув. *тёс* ‘цвет, масть, вид, облик’ [288]. Из сопоставления явно выпадает коми слово, которое может быть рассмотрено как русское заимствование, ср. рус. *туск* ‘тусклость, бельмо на глазу, катаракта, помутнение зрения и т.д.’ [СРНГ 2012, 288; Фасмер 1987, 126]. Остальные соответствия вполне вписываются в разряд общей лексики Поволжья, видимо, болгарского происхождения.

Приведенные примеры свидетельствуют о важности фактора одновременности межэтнических контактов, а на более поздних этапах – роли русского языка, пренебрежение которой может привести к «целому ряду заблуждений, вызванных лобовым сопоставлением форм, связанных лишь через русское посредство» [Хелимский 2002, 84]. Они показывают, насколько сложным может быть путь того или иного слова в полиэтническом пространстве и, соответственно, насколько проблематично привлечение лексического материала в этногенетические исследования.

3. Еще большей осторожности требует использование лексики для изучения внутренних этнических процессов, маркировки передвижения групп населения в относительно однородном пространстве близкородственных языков и диалектов. Наиболее надежную информацию в этом случае могут дать явления, связанные с девиациями внутренней структуры языка (фонетические, грамматические, структурные преобразования, архаизация, инновационные явления и т.д.), изоглоссы распространения которых можно отследить и даже картографировать. Плодотворно также использование ономастикона, т.е. имен и фамилий переселенцев, конечно, при наличии соответствующих исторических документов. Однако у лексики в таких исследованиях объективно низкая степень валидности, и использование ее может привести не только к искажению языковых фактов, но и неверным историческим заключениям.

В одной из своих последних работ Е. А. Цыпанов справедливо отметил, что в теориях пермского лингвогенеза «ученые применяли лишь ограниченный материал (данные диалектов, заимствования, топонимы, этнонимы и др.), в то время как при решении таких сложных проблем необходим системно-языковой подход с привлечением множества лингвистических источников, прежде всего теоретических знаний об общепермском праязыке, его системных особенностях» [2014, 27].

Однако в «поисках иных методик и источников» он обращается к наиболее ненадежному лингвистическому материалу: лексике природного ландшафта коми языка, которая, по его мнению, «может использоваться при решении вопросов коми лингво- и этногенеза». В частности, исследователь полагает, что «многие исконно коми слова указывают на более южное происхождение коми», «тем самым усиливая миграционную теорию этногенеза» [там же, 29].

Не вступая в извечный спор между сторонниками миграционной и автохтонной теорий коми этногенеза, обратим внимание лишь на некоторые методологические ошибки, делающие абсолютно бездоказательными выводы, на которых настаивает автор.

Прежде всего, сомнения вызывает сам материал, который Е. Цыпанов приводит: ряд названий флоры и фауны, не представленной на территории нынешнего проживания коми. Это – *нинпу* ‘липа’, *нинкӧм* ‘лапоть’, *веснін*, *веснінпу* ‘липа’, *оржы* ‘осокорь’, *сирпу* ‘вяз, ильм’, *тупу* ‘дуб’, *панпаз* ‘клен’, *улмӧ* ‘яблоко’, *гадя* ‘цапля’, *колипкай* ‘жаворонок’, *вӧрпорсь* ‘кабан’, *боян* ‘аист’, *кый* ‘пиявка’, *сэч* ‘кролик’, *лымдорчача* ‘подснежник’, *ӧмидзкай* ‘малиновка’, *дзулимкай* ‘иволга’, *косму* ‘апрель’.

Большинство из этих слов обнаружено в рукописном русско-коми словаре Н. А. Попова [1843, 1864] А. И. Туркиным, который отмечает, что в словаре много архаизмов, славянизмов, неологизмов, иногда искусственных, узкодиалектных и вовсе отсутствующих в современных диалектах слов [1976; 1977], объясняя это тем, что при создании русско-национальных словарей неизбежно возникает проблема отсутствия соответствий в национальной части словаря. Обычная практика при этом – заполнение лакун авторскими неологизмами, словами близких языков, описательными переводами и др. Относится это и к словарю Попова, о чем, приводя многие примеры, пишет А. И. Туркин [1976, 298]. Следовательно, «южное», по мнению Цыпанова, слово *вӧр порсь* ‘букв. лесная свинья’ вполне может быть поздним собственно коми описательным термином (ср. вепс. *тес-сига* ‘кабан’, букв. ‘лесная свинья’). Ни о какой «южной прародине» не говорят также новообразования *лымдорчача* ‘подснежник’, букв. ‘цветок возле снега’, *ӧмидзкай* ‘малиновка’, букв. ‘малина-птица’ и др., взятые автором из словаря современного коми-пермяцкого языка [КПРС, 233, 305].

Наличие слова *улмӧ* ‘яблоко’ в коми языке также не доказано. Оно взято из словаря Г. С. Лыткина, в работах которого содержится много авторских неологизмов, объясняемых его пуристическими взглядами. Г. С. Лыткину, как крупному ученому-востоковеду, несомненно, было известно широко распространенное в языках Поволжья слово *улмо / олма* ‘яблоко’, удмуртскую версию которого он мог использовать для заполнения соответствующей лакуны в коми части словаря.

Кроме того, при обращении к ранним словарям, особенно рукописным и больших объемов (в словаре Н. П. Попова более 70 тыс. статей) нельзя исключить описок, графических неточностей, а также лексем из устной речи, недостаточно идентифицированных. Напр., неясное слово *сэч* ‘кролик’, по-видимому, неточная передача общекоми *кӧч* ‘заяц’. Слово *веснін*, *веснінпу* ‘липа’, в составе которого Е. Цыпанов видит слово *нинпу* ‘липа’; и «абсолютно неизвестный современным носителям языка» компонент *вес-*, возможно, имеет отношение к рус. диал. *ветлина*, *вислина*, *висла* ‘ива’, ‘ветла’: *вон там вислина стаит, листочки узиньки* [СРНГ 1969, 194]. Если исключить случайность появления этого слова в словаре (что также возможно), его можно объяснить контаминацией русского слова с коми *нин* ‘лыко’ под влиянием народной этимологии.

Приведенное удорское слово *панпаз* ‘клен’ (со ссылкой на А. И. Туркина) и вовсе можно считать курьезом, поскольку в одном из говоров Удоры слово *клен* означает не дерево *клен*, а растение *вороника*, медвежья ягода, воронья ягода*.

* Возможна связь с рус. диалектным словом *клен*, представленным в контактных с коми языком диалектах в значении «какой-то домашний цветок»: *Мой ты кленушко! Че-то желтеть начинаешь* (рассматривая цветы на окне) или с рус. *кленистый* «развесистый, похожий на клен», напр., вят. *кленистые сосны* [СРНГ 1977, 277].

которому в других коми диалектах соответствуют названия *понбаз*, *понпас* и др. [ССКЗД, 292].

Слово *боян* ‘аист’, взятое из словаря Н. Попова, зафиксировано и в других источниках: *боян кай* ‘аист’ [Wiedemann 1880, 13; Лыткин 1931, 31], *боян* выч. ‘аист’ [Fokos-Fuch 1959 (1), 91], кп. *буян* ‘орел’ [Rédei 1968, 21]. Происхождение его не известно. Близкое по звучанию и значению слово имеется в славянских языках: рус. диал. *ботян*, *ботьян*, *батын*; *бачан*, *боцан* [Даль (1), 55; СРНГ 1966, 160; 1968, 139], укр. *бочан*, болг. *буцян*, польск. *bocian bocan* и т.д. ‘аист’, *бузан* ‘белый аист’ [Фасмер (I) 201, 232]. Скорее всего, это славянское заимствование, какими-то сложными путями проникшее в коми говоры. Ср. аналогичное эстонское слово *pat'san* ‘аист’, которое П. Аристе считает белорусским заимствованием [Ariste 1965, 23]. Во всяком случае, нет никаких оснований считать, что оно было в языке предков коми, мигрировавших с их южной прародины на нынешнюю территорию.

Практически все слова, приведенные автором в пользу миграционной теории этногенеза коми, требуют дополнительной верификации. Большинство из них, кроме, пожалуй, *оржы* ‘осокорь’ и *сирпу* ‘вяз, ильм’, вряд ли могут претендовать на общепермское происхождение. Но даже если они были в прапермском языке, наличие «южных слов» в языке еще не доказывает «южного происхождения» народа. Следуя логике автора, можно было бы предположить, что и ненцы когда-то проживали значительно южнее своих нынешних территорий, поскольку сохранили в своей «генетической памяти» слово *тыбыёва* ‘дуб’ [СНР, 216]. Однако это слово могло быть заимствовано ненцами от коми или русских [Белых 2009, 265; Норманская, Дыбо 2010, 109].

Использование лексики для изучения внутренних процессов этнической истории требует особой осторожности, поскольку движение ее в континууме родственных языков и диалектов отследить практически невозможно. Более того, лексика – это наиболее проницаемая область языка, и нет никакого сомнения, что значительная ее часть имеет контактный характер. Степень же устойчивости отдельных лексем «в языковой памяти народа» вообще не подвергалась пока сколько-нибудь серьезным исследованиям.

СОКРАЩЕНИЯ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

болг. – болгарский язык; *вв.* – верхневьчегодский диалект коми-зырянского языка; *вепс.* – вепсский язык; *выч.* – вычегодские говоры коми-зырянского языка; *доперм.* – допермская форма; *др.-рус.* – древнерусская форма; *иж.* – ижемский диалект коми-зырянского языка; *кар.* – карельский язык; *кз.* – коми-зырянский язык; *коми* – коми язык; *кп.* – коми-пермяцкий язык; *л.* – прилузские говоры коми-зырянского языка; *манс.* – мансийский язык; *мар.* – марийский язык; *морд.* – мордовский язык; *нен.* – ненецкий язык; *общеп.* – общепермская форма; *печ.* – печорский диалект коми-зырянского языка; *польск.* – польский язык; *прап.* – прапермская форма; *рус.* – русский язык; *сельк.* – селькупский язык; *уд.* – удорский диалект коми-зырянского языка; *удм.* – удмуртский язык; *укр.* – украинский язык; *фин.* – финский язык; *хант.* – хантыйский язык; *чуваш.* – чувашский язык; *эрз.* – эрзя-мордовский язык; *эст.* – эстонский язык.

ЛИТЕРАТУРА

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М., Новосибирск: Наука, 2000. 767 с.

Белых С. К. К вопросу о локализации прародины пермян // Пермский мир в раннем средневековье [сб. науч. ст.] / Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Удмурт. ин-т истории. Ижевск, 1999. С. 245–281.

Белых С. К. Проблема распада прапермской этноязыковой общности. Ижевск: Удмуртский университет, 2009. 150 с.

Гуляев Е. С. О некоторых удмуртских терминах флоры и их соответствиях в коми языке // Всесоюзное совещание по вопросам финно-угорской филологии. Петрозаводск, 1961. С. 123–127.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка (в 4 т.). М.: Наука, Т. 1. 1981. 699 с.; Т. 4. 1982. 573 с.

Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: Наука, 1982. 224 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1985. 624 с.

КЭСК – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 430 с.

Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. М.: Наука, 1964. 268 с.

Лыткин В. И. Вепско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах // Академику Виктору Владимировичу к его шестидесятилетию. – М.: Изд. АН СССР, 1956. С. 179–189.

Лыткин В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М.: Изд. АН СССР, 1955. 128 с.

Лыткин В. И. Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь. М.: АН СССР. 1952. 174 с.

Лыткин В. И. Из истории словарного состава пермских языков // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 48–70.

Лыткин В. И. К вопросу о прибалтийско-финских заимствованиях в коми-зырянских диалектах // Прибалтийско-финское языкознание: Тр. Карельского филиала АН СССР. М.-Л., 1963. Вып. 39. С. 3–11.

Лыткин В. И. Карельско-вепские заимствования в коми языке // Всесоюзное совещание по вопросам финно-угорской филологии: Тез. докл. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1961. С. 13–14.

Лыткин В. И. Пермско-иранские языковые контакты // Вопросы языкознания. 1975. № 3. С. 84–97.

Лыткин Г. С. Русско-зырянский словарь. Составлен по рукописному словарю Н. П. Попова. Л.: Изд. АН СССР, 1931. VI. 360 с.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Т. 1–3. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2001. 345 с.; 2004. 369 с.; 2007. 298 с.

Мызников С. А. Некоторые аспекты этимологического анализа коми языка // Труды карельского научного центра Российской академии наук. Петрозаводск, 2014. № 3. С. 90–99.

Напольских В. В. К начальным этапам этнической истории коми // Арт. 2010. № 2. С. 10–22.

Насибуллин Р. Ш. Булгаризмы и их отношение к вопросу о времени распада общепермской языковой общности // Вордскем кыл. 1992. № 2. С. 81–95.

Норманская Ю. В., Дыбо А. В. Тезаурус. Лексика природного окружения в уральских языках. М.: Тезаурус, 2010. 364 с.

СНР – Бармич М. Я., Вэлло И. А. Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект). СПб.: Отд-ние изд-ва «Просвещение», 2002. 286 с.

СДКЯ – Словарь диалектов коми языка. В 2-х. т. Сыктывкар: Кола, Т. 1. 2012. 1092 с.; Т. 2. 2014, 886 с.

СМЯ – Словарь марийского языка. Т. 6. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд., 2001. 363 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1–49. Санкт-Петербург, 1965–2016.

Смирнов О. В. К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне среднего течения реки Вятки (в свете этнической интерпретации археологических культур) // Вопросы ономастики. 2013. № 2 (15). С. 7–59; 2014. № 1 (16). С. 7–33.

Смирнов О. В. Об этнической интерпретации археологических культур I тыс. н.э. в бассейне среднего течения р. Вятки (по топонимическим данным) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. (Археология евразийских степей. Вып. 20). Казань: Ин-т археологии АН Республики Татарстан им. А. Х. Халикова, 2014. С. 90–106.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми кн. изд., 1961. 490 с.

Суперанская А. В. Микротопонимия, макротопонимия и их отличие от собственно топонимии // Микротопонимия. М.: Изд. МГУ, 1967. 154 с.

Терещенко Н. М. Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий. СПб.: Просвещение, 2005. 335 с.

Туркин А. И. Архаическая лексика коми языка в топонимике Вычегды // Советское финно-угроведение. 1971. № 4. С. 277–283.

Туркин А. И. О втором варианте русско-зырянского словаря Н. П. Попова // Советское финно-угроведение. 1977. № 4. С. 293–296.

Туркин А. И. Русско-зырянский словарь Н. П. Попова // Советское финно-угроведение. 1976. № 4. С. 293–299.

Туркин А. И. Этногенез народа коми по данным топонимии и лексики. Таллин. Академия наук Эстонской ССР. Отделение общественных наук, 1985. 39 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. М.: Прогресс. Т. 1. 1986. 576 с.; Т. 4. 1987. 863 с.

Хелимский Е. Трансевразийские аспекты русской этимологии // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 75–91.

Цыпанов Е. А. Дивергенция финно-угорского и пермского праязыков в свете последних теоретических и источниковедческих подходов // Пути развития пермских языков: история и современность. Тр. Института языка, литературы и истории. Вып. 73. Сыктывкар, 2014. С. 8–38.

Ariste P. A Case of Language Contact in the East Baltic Area // Советское финно-угроведение. 1965. № 1. С. 21–25.

Fokos-Fuchs D. Syrjänisches Wörterbuch: In 2 B. [В двух томах: Т. 1. 714 с.; Т. 2. 715–1564 с.]. Budapest: Akademia Kiado, 1959. 1564 s.

Rédei K. Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F. A. Wolegows von Karoly Rédei. Budapest, 1968. 139 с.

SVS – Suomalais-venäläinen sanakirja / Финско-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 815 с.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, I–VII. 1987–1981, 2293 s.

UEW – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. B. I. Uralische und finnisch-ugrische Schicht. B. II. Finnisch-permische und finnisch-wolgaische Schicht. Ugrische Schicht. Budapest, 1988. 906 s.

Wiedemann F. J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem Wotjakisch-deutschen im Anhang und einem deutschen Register von F. J. Wiedemann. Petersburg, 1880. 692 s.

Поступила в редакцию 23.11.2017

Федюнева Галина Валерьяновна,
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
e-mail: fedyuneva@mail.illhkomisc.ru

G. V. Fedyuneva

On the problem of vocabulary reliability in the study of ethnic history of the Permian peoples

The role of linguistic data in the research of ethnogenesis and ethnic history is invaluable due to the fact that language units may contain important information concerning the location of the ethnic group in the past, the contacts with its neighbours, historic migrations, etc. It is essential that these facts should have high levels of reliability; it is of utter importance in regards to vocabulary, because it has lower levels of validity for this type of research.

The paper deals with the lexical correspondences between the Komi and Udmurt languages which are used to discuss the following questions in the history of the Permian peoples: 1) localization of the ancestral homeland of the Permians; 2) the contacts of the Permians with their neighbours; 3) internal migrations of the population within the continuum of the related languages and dialects. It is suggested that the research of this type should contain more detailed etymology of the vocabulary; at the moment the reliability of vocabulary is not high enough.

Keywords: ethnic history, Permian languages, vocabulary, etymology.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2018, vol. 12, issue 1, pp. 22–37. In Russian.

REFERENCES

Anikin A. E. *Etimologicheskij slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia. Loan-words from Uralic, Altaic and Paleoasiatic languages. 2 ed.]. Moscow, Novosibirsk, 2000. 767 p. In Russian.

Belykh S. K. K voprosu o lokalizatsii prarodiny permyan [On the Localization of the Permian ancestral homeland]. *Permskij mir v rannem srednevekov'e. Sbornik nauchnyh statej* [The Permian World in the early middle age. A collection of articles]. Izhevsk, 1999, pp. 245–281. In Russian.

Belykh S. K. *Problema raspada prapermskoj etnolingvostnoy obshchnosti* [The problem of the disintegration of the Perm ethnolinguistic community]. Izhevsk, 2009. 150 p. In Russian.

Gulyaev E. S. O nekotoryh udmurtskikh terminah flory i ih sootvetstviyah v komi yazyke [On some Udmurt terms of flora and their correspondences in the Komi language]. *Vsesoyuznoe soveshchanie po voprosam finno-ugorskoj filologii (23–30 iyunya 1961 g.)* [All-Union conference on the Finno-Ugric philology (23–30 June, 1961)]. Petrozavodsk, 1961, pp. 123–127. In Russian.

Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 vols]. Moscow. vol. I, 1981, 699 p.; vol. II, 1981, 779 p.; vol. III, 1982, 555 p.; vol. IV, 1982, 573 p. In Russian.

Zherebtsov L. N. *Istoriko-kul'turnye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami* [Historical and Cultural Relations of the Komi with Neighboring Peoples]. Moscow, 1982. 224 p. In Russian.

Komi-permyatsko-russkij slovar' [The Komi-Permyak – Russian dictionary]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1985. 624 p. In Komi-Permyak and Russian.

Lytkin V. I. *Istiricheskij vokalizm permskih yazykov* [The historical vocalism of the Permian languages]. Moscow, 1964. 268 p. In Russian.

Lytkin V. I. Vepssko-karel'skie zaimstvovaniya v komi-zyryanskikh dialektah [Veps-Karelian borrowings in Komi-Zyryan dialects]. *Akademiku Viktoru Vladimirovichu Vinogradovu k ego shestidesyatiletyu* [Tribute to the Academician V. V. Vinogradov: sixtieth jubilee]. Moscow, 1956. Pp. 179–189. In Russian.

Lytkin V. I. *Dialektologicheskaya hrestomatiya po permskim yazykam* [Dialectological reader in Perm languages]. Moscow, 1955. 128 p. In Russian.

Lytkin V. I. *Drevneperskij yazyk. Chtenie tekstov, grammatica, slovar'* [Old Perm language. Reading texts, grammar, vocabulary]. Moscow, 1952. 174 p. In Russian.

Lytkin V. I. Iz istorii slovarnogo sostava permskih yazykov [From the history of the vocabulary of the Perm languages]. *Voprosy yazykoznanija* [Issues of linguistics], 1953, no. 5, pp. 48–70. In Russian.

Lytkin V. I. *K voprosu o pribaltijsko-finskih zaimstvovaniyah v komi-zyryanskikh dialektah* [On the question of Baltic-Finnish borrowings in the Komi-Zyrian dialects]. *Pribaltijsko-finskoe yazykoznanie* [Baltic-Finnic linguistics]. Moscow-Leningrad, 1963, vol. 39, pp. 3–11. In Russian.

Lytkin V. I. Karel'sko-vepsskie zaimstvovaniya v komi yazyke [Karelian-Vepsian borrowings in the Komi language]. *Vsesoyuznoe soveshchanie po voprosam finno-ugorskoj filologii* [All-Union conference on the Finno-Ugric philology], Petrozavodsk, 1961, pp. 13–14. In Russian.

Lytkin V. I. Permsko-iranskije yazykovye kontakty [The Perm-Iranian language contacts]. *Voprosy yazykoznanija* [Issues of linguistics], 1975, no. 3, pp. 84–97. In Russian.

Lytkin V. I., Gulyaev E. S. *Kratkij etimologicheskij slovar' komi yazyka* [A concise etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar, 1999. 430 p. In Russian.

Lytkin G. S. *Russko-zyryanskij slovar'*. *Sostavljen po rukopisnomu slovarju N. P. Popova* [Russian-Zyryan dictionary. On the basis of N. P. Popov's handwritten dictionary]. Leningrad, 1931. VI. 360 p. In Russian.

Matveev A. K. *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [Substrate toponymy of the Russian North: In 3 vols]. Ekaterinburg. vol. I, 2001. 345 p.; vol. II, 2004. 369 p.; vol. III, 2007. 298 p. In Russian.

Myznikov S. A. Nekotorye aspekty etimologicheskogo analiza komi yazyka [Some aspects of the Komi language etymological analysis]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossijskoj akademii nauk* [Proceedings of the Karelian research center of the Russian Academy of Sciences]. Petrozavodsk, 2014, no. 3, pp. 90–99. In Russian.

Napol'skih V. V. K nachal'nym etapam etnicheskoj istorii komi [To the initial stages of the ethnic history of the Komi]. *Art*, 2010, no. 2, pp. 10–22. In Russian.

Nasibullin R. Sh. Bulgarizmy i ih otnoshenie k voprosu o vremeni raspada obshcheperskoj yazykovoj obshchnosti [Bulgarian borrowings and their relation to the question about the time of the collapse of the Permian linguistic community]. *Vordskem kyl* [Native language], 1992, no. 2, pp. 81–95. In Russian.

Normanskaya Yu. V., Dybo A. V. *Tezaurus. Leksika prirodnogo okruzenija v ural'skih yazykah* [Thesaurus. Vocabulary of natural environment in Uralic languages]. Moscow, 2010. 364 p. In Russian.

Barmich M. Ya., Vello I. A. *Slovar' nenetsko-russkij i russko-nenetskij (lesnoj dialekt)* [Nenets-Russian and Russian-Nenets (forest dialect) dictionary]. St. Petersburg, Prosvetshenie Publ., 2002. 288 p. In Russian.

Slovar' dialektov komi yazyka. V 2 t. [Dictionary of the dialects of Komi language. In 2 vols]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, vol. I. 2012. 1095 p.; vol. II. 2014, 886 p. In Komi and Russian.

Slovar' marijskogo yazyka. V 10 t. [Dictionary of the Mari language. In 10 vols]. Vol. 6. Jshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2001. 363 p. In Mari and Russian.

Slovar' russkikh narodnyh govorov. Vyp. 1–49 [Dictionary of Russian dialects. Iss. 1–49]. Moscow, Leningrad, St. Petersburg, Izdatel'stvo «Nauka», 1965–2016. In Russian.

Smirnov O. V. K voprosu o permskom toponimicheskom substrate na territorii Marij El i v bassejne srednego techeniya reki Vyatki (v svete etnicheskoj interpretatsii arheologicheskikh kul'tur) [On the question of the Perm toponymic substrate in the Mari El territory and in the middle current basin of the Vyatka river: in light of the ethnic interpretation of archaeological cultures]. *Voprosy onomastiki* [Questions of onomastics], 2013, no. 2 (15), pp. 7–59; 2014, no 1 (16), pp. 7–33. In Russian.

Smirnov O. V. Ob etnicheskoj interpretatsii arheologicheskikh kul'tur I tys.n.e. v bassejne srednego techeniya reki Vyatki (po toponimicheskim dannym) [The ethnic interpretation of archaeological cultures of 1000 BC in the middle basin of the Vyatka river (on toponymic data)]. *Anan'inskij mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (Arheologiya evrazijskikh stepej)* [The world of Ananyino: the origins, development, contacts, historical destiny (Archaeology of the Eurasian steppes)]. Kazan', 2014, vol. 20, pp. 90–106. In Russian.

Sravnitel'nyj slovar' komi-zyryanskih dialektov [The comparative dictionary of the Komi-Zyrian dialects]. Syktyvkar, Komi kn. izd-vo Publ., 1961. 492 p. In Komi and Russian.

Superanskaya A. V. Mikrotoponimiya, makrotoponimiya i ih otlichie ot sobstvenno toponimii [Mikrotoponymy, macrotoponymy and their difference from the actual toponymy]. *Mikrotoponimiya* [Makrotoponymy]. Moscow, Izdatel'stvo Moscovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1967. 154 p. In Russian.

Tereshchenko N. M. *Slovar' nenetsko-russkij i russko-nenetskij* [Nenets-Russian & Russian-Nenets dictionary]. St. Petersburg, 2005. 335 p. In Russian.

Turkin A. I. Arhaicheskaya leksica komi yazyka v toponimike Vychegdy [The archaic vocabulary of the Komi language in the toponymy of the Vychegda]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* [Soviet Finno-Ugric linguistics], 1971, no. 4, pp. 277–283. In Russian.

Turkin A. I. Russko-zyryanskij slovar' N. P. Popova [N. P. Popov's Komi-Zyrian dictionary]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* [Soviet Finno-Ugric linguistics], 1976, no. 4, pp. 293–299. In Russian.

Turkin A. I. O vtorem variante russko-zyryanskogo slovarya N. P. Popova [On the second version of the Komi-Zyrian dictionary N. P. Popov's]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* [Soviet Finno-Ugric linguistics], 1977, no. 4, pp. 293–296. In Russian.

Turkin A. I. Etnogenez naroda komi po dannym toponimii i leksiki [Ethnogenesis of the Komi people according to toponymy and vocabulary]. Tallinn: Akademia nauk Estonskoj SSR. Otdelenie obshchestvennyh nauk, 1985. 39 p. In Russian.

Vasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. V 4 t. [Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vols]. Moscow, Progress. Vol. 1. 1986. 576 p.; Vol. 4. 1987. 863 p. In Russian.

Helimskij E. Transjevrazijskie aspekty russkoj etimologii [Transeurasian aspects of the Russian etymology]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* [The Russian Language in a Scientific Light], 2002, no. 2 (4), pp. 75–91. In Russian.

Tsypanov E. A. Divergentsiya finno-ugorskogo i permskogo prayazykov v svete poslednih teoreticheskikh i istochnikovedcheskikh podhodov [The divergence of the Finno-Ugric and Permian proto-languages in the light of the latest theoretical and source study approaches]. *Puti razvitiya permskikh yazykov: istoriya i sovremennost'*. *Trudy Instituta yazyka, literatury*

i istorii Komi naucnogo tsentra UrO rossijskoj akademii nauk [Ways of development of the Permian languages: history and present-day situation. Proceedings of the Language, Literature and History Institute of Komi Research Center of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 73. Syktyvkar, 2014, pp. 8–38. In Russian.

Ariste P. A Case of Language Contact in the East Baltic Area. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* [Soviet Finno-Ugric linguistics], 1965, no. 1, pp. 21–25. In English.

Fokos-Fuchs D. *Syrjänisches Wörterbuch: In 2 vols.* Budapest, Akademia Kiado, 1959. Vol. 1. 714 p.; Vol. 2, 715–1564 p. In Komi and German.

Rédei K. *Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F. A. Wolegows von Karoly Rédei.* Budapest, 1968. 139 p. In German.

Suomalais-venäläinen sanakirja / Finsko-russkij slovar'. Moscow, Russkij yazyk, 1977. 815 p. In Finnish and Russian.

Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1987–1981. Vol. 1–7. 2293 p. In Finnish.

Rédei K. *Uralisches etymologisches Wörterbuch.* B. I. Uralische und finnisch-ugrische Schicht. B. II. Finnisch-permische und finnisch-wolgaische Schicht. Ugrische Schicht. Budapest, 1988. 906 p. In German.

Wiedemann F. J. *Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem Wotjakisch-deutschen im Anhang und einem deutschen Register von F. J. Wiedemann.* Petersburg, 1880. 692 p. In German, Komi and Udmurt.

Received 23.11.2017

Fedyuneva Galina Valeryanovna,

Doctor of Sciences (Philology), Principal Researcher,

Russian Academy of Sciences Ural Division Komi Science Centre

Institute of Language, Literature and History

26, ul. Kommunisticheskaya, Syktyvkar, 167982, Russian Federation

e-mail: fedyuneva@mail.illhkomisc.ru